

СУВЕРЕННАЯ ВЛАСТЬ
И ЭТИКА НЕНАСИЛИЯ:
СТРУКТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В БЕЛАРУСИ

Татьяна Щитцова

SOVEREIGN POWER AND ETHICS OF NON-VIOLENCE:
STRUCTURAL FOUNDATIONS OF CIVIL MOBILIZATION IN BELARUS

© Tatiana Shchytsova

Dr. habil., Professor at European Humanities University,
Academic Department of Social Sciences
Savičiaus g. 17, Vilnius, LT-01127 Lithuania

ORCID ID: 0000-0003-0014-3856
E-mail: tatiana.shchytsova@ehu.lt

Abstract: The article inquires into structural prerequisites of the unprecedented political mobilization and solidarity of Belarusians who opposed the Lukashenka regime in the framework of the presidential election campaign and in the post-election period in 2020. Author argues that the structuring of the political field and the nature of hegemony in Belarusian society were determined by a remarkable reconfiguration of the relationship between the ethical and the political. By the ethical is understood self-determination of plural community in terms of choice between the good and the bad. By the political – struggle for the right and opportunities to define laws/rules of social life and to control their implementation. The first part of the article is devoted to the analysis of the political antagonism that was characteristic of the election campaign after the creation of the joint headquarters by Sviatlana Tsikhanouskaya, Maria Kalesnikava and Veranika Tsapkala. It is shown that already at this stage a kind of ethical framing of political antagonism took place. The second part addresses the post-election period and thematizes a structural split between the ethical and the political that resulted from the outbreak of the state's unlimited physical violence. The split is conceived as an a priori structure that has determined new radical polarization in Belarusian society: on the one hand, there was the excess of the sovereign power (the sovereign's

authorization of the use of the extraordinary violence), on the other hand, the ethics of nonviolence opposed to that excess by the plural democratic community. Author suggests to look at the post-electoral socio-political transformations in Belarus through the lenses of this confrontation between the ethics of nonviolence and the principle of sovereign power.

Keywords: Belarus, hegemony, antagonism, 'good society', ethical, political, sovereignty, sublime, protest movement.

Масштаб протестного движения в Беларуси поразил не только обычных граждан, но и экспертов. Не было ни одной аналитической публикации, в которой бы допускалась хотя бы слабая вероятность подобного гражданского подъема. В этой статье я хотела бы прояснить некоторые ключевые структурные предпосылки беспрецедентной солидарности и протестной мобилизации гражданского общества в преддверии и после проведения президентских выборов 2020 г. Я собираюсь показать, что структурирование политического поля и характер гегемонии в этот период определялись реконfigurацией отношения между Этическим и Политическим. Под Этическим понимается перманентное самоопределение общества посредством различения и выбора между хорошим и плохим, добром и злом. Под Политическим — перманентная борьба за право и возможности определять законы и принципы общественной жизни внутри страны и контролировать их выполнение¹.

Центральный тезис статьи заключается в том, что заявленная реконfigurация отношения между Этическим и Политическим имеет в качестве прицела принцип суверенной власти, который выступает концептуальной основой современного государства, начиная с работ Жана Бодена (*Шесть книг о государстве*, 1576) и Томаса Гоббса (*Левиафан*, 1651). То есть принцип суверенности — это то, о чем идет речь в предполагаемом преобразовании связи между Этическим и Политическим. Беларусский политический кризис может быть показан как тяжба о суверенности — тяжба, которая включает два измерения: во-первых, внутри государства возникает конфликт между разными субъектами, притязающими на суверенную власть; во-вторых — через названный конфликт осуществляется проблематизация самого принципа суверенной власти,

1 Дефиниция «перманентная» косвенно объясняет, почему предлагается использовать субстантивированные прилагательные: эта лингвистическая форма более релевантна процессуальности подразумеваемых действий. Понятия этики и политики будут иметь, соответственно, иной смысл (см. с. 123). Предложенное определение Политического соотносится с определением Шанталь Муфф (Mouffe, 2006).

требующая пересмотра вопроса о позиционировании и исполнении суверенной власти в современных демократических обществах.

Таким образом, я предлагаю взглянуть на белорусский политический кризис как событие, которое особым образом ставит под вопрос принцип суверенной власти, остающийся центральной темой современной политической мысли (от Шмитта до Агамбена). В этом отношении следует отметить, что параллельно с развитием политического кризиса в Беларуси в 2020–2021 годах принцип суверенной власти по-своему был проблематизирован и в западных обществах в связи с распространением коронавируса. Пандемия COVID-19 вынудила политиков и государственных чиновников принимать меры, которые строятся на совмещении биополитики и суверенной власти, (Mbembe, 2019; Agamben, 2020; Sandset, 2020). Этот пример высвечивает феномен суверенной власти в устройстве государственного управления как повод для беспокойства в современных демократических обществах.

Статья будет посвящена преимущественно анализу внутренней перспективы, а именно взаимоотношению суверена и народа — автократа, опирающегося на «вертикаль власти», и протестного гражданского общества. При этом изначально следует помнить, что «суверенитет, как его определяют начиная с XVI века, — это требование, порожаемое не столько самим государством, сколько межгосударственной системой. Это по сути двуединое требование направлено как внутрь государства, так и вовне его» (Валлерстайн, 2003, с. 83). Соответственно, на кону предполагаемой внутренней тяжбы о суверенности неизбежно будет стоять и вопрос о внешнем суверенитете.

Положение о народе как субъекте суверенной власти, заявляющем о себе в противоположность монаршему абсолютизму, становится определяющим для политической повестки европейских обществ со времен Французской революции. Самые разные идеологии и типы государственного устройства, появившиеся с тех пор, могут быть рассмотрены как способы имплементации этого положения, т.е. как попытки помыслить и внедрить конкретные политико-правовые формы и рамки для реализации народом своего суверенитета. Центральным понятием политического модерна стало понятие представительной демократии. Советский Союз не был исключением в этом плане. Статья 2 Конституции СССР 1977 г. утверждала: «Вся власть в СССР принадлежит народу. Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу СССР». Крах СССР был крахом системы, в котором инструменты осуществления народовластия полностью деградировали вследствие установления монопольного идеологического и политического господства коммунистической партии. Институт выборов в Советском Союзе был

своего рода приводным ремнем «общества централизованного спектакля» (Дебор, 2000).

После распада СССР Беларусь прошла через краткий период демократизации 1991–1994 гг., который открывал перспективы для выстраивания действующей, неиллюзорной системы политической репрезентации воли народа. Однако после избрания Александра Лукашенко первым президентом РБ политическая жизнь в стране приняла антидемократическую направленность. Номинально народ объявлялся «единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь» (статья 3 Конституции РБ), но реальная власть сосредоточивалась в руках президента: после проведения референдума 1996 г. в Конституцию были внесены изменения, которые наделяли президента исключительными полномочиями, фактически упразднившими принцип разделения властей (см. статью 84). К президентским выборам 2020 г. белорусское общество имело за плечами 25 лет² персоналистского авторитарного режима, который систематически обеспечивал себе квазилегитимацию посредством фальсификации результатов президентских выборов и манипулятивного давления при проведении выборов на других уровнях. В отличие от СССР реальная суверенная власть в государстве была сосредоточена в руках одного человека, а не партии (уполномоченного партийного органа). Борьба за демократизацию — то есть в конечном счете за реализацию принципа народного суверенитета — велась от имени различных оппозиционных партий и объединений, деятельность которых, однако, не располагала к оптимизму, так как с печальной регулярностью демонстрировала, что сложно рассчитывать на единство и солидарность en masse, коль скоро сами представители оппозиции обнаруживают слабую договороспособность (Сіліцкі, 2012, с. 10, 73, 107). Провальные результаты проведения праймериз оппозиционной коалицией на президентских выборах 2020 г. поставили символическую точку в истории так называемой традиционной оппозиции в Беларуси³.

- 2 В качестве точки отсчета можно рассматривать апрель 1995 г., когда 19 депутатов, которые объявили голодовку в знак несогласия с проведением референдума, по распоряжению Лукашенко были избиты и насильно вывезены из здания Верховного Совета Республики Беларусь.
- 3 В 2020 г. ряд оппозиционных партий и движений (ОГП, БХД, БНФ, «Рух За Свабоду» и БСДП (Грамада)) сформировали коалицию для проведения праймериз — выдвижения единого кандидата от оппозиции для дальнейшего участия в президентских выборах. Итогом этой инициативы стало окончательное «политическое самоубийство» (Силицкий) традиционной оппозиции — ее полная самодискредитация в глазах общественности. Оппозиционные силы, словно по учебнику, повторили две ключевые ошибки, отмеченные в свое время Силицким: 1) «навука, што перадвыбарныя кампаніі пачынаюцца не за тры месяцы да выбараў, а як мінімум з моманту заканчэння папярэдніх /.../ была праігнараваная» (Сіліцкі, 2012, с. 94);

Вопрос, на который стремится ответить данная статья: каким образом — на основании каких структур и принципов — стали возможными уникальные по своим масштабам гражданская солидарность и протестная мобилизация в белорусском обществе? Демократическое протестное движение 2020-го вдохнуло жизнь в конституционное положение о народном суверенитете. Надо попытаться разобраться, что сыграло определяющую роль в консолидации и мобилизации представителей различных политических и социальных групп и что заключает в себе притязание на суверенитет, заявленное народом в рамках Белорусского протестного движения? Как уже отмечалось в самом начале, я полагаю, что ответ на эти вопросы коренится в установлении нового отношения между Этическим и Политическим в ходе предэлекторальных и постэлекторальных событий 2020 года.

Этическое фреймирование политического антагонизма

...если найдется хоть один-единственный человек, который не будет подчинен Закону, то все остальные неизбежно окажутся во власти этого последнего.

Ж.-Ж. Руссо

В этой части нас будет интересовать политический антагонизм, который сложился в рамках предвыборной кампании после создания объединенного штаба Светланы Тихановской, Марии Колесниковой и Вероники Цепкало. Объединение трех команд вокруг одного оппозиционного кандидата сыграло ключевую роль в формировании уникальной структуры гегемонии Тихановской и тем самым — в отчетливой финальной поляризации арены

2) «палітычныя лідэры не здолелі пераадолець вузкагрупавых амбіцыяў на карысьць адзінства і кампрамісу» (Там же, с. 107). Звание «единого кандидата» было скорее выражением wishful thinking, так как многие оппозиционные структуры изначально отказались от участия в праймериз (Быковский, 2020). Провальный исход инициативы обнаружил удручающую актуальность давнего диагноза Силицкого относительно «відавочнага крызісу апазыцыі, які складаецца з дэмабілізацыі і дэмаралізацыі яе чалавечых рэсурсаў ды разгубленасці, адсутнасці стратэгічнага мыслення і страты палітычных арыенціраў яе элітай» (Сіліцкі, 2012, с. 127). Проект «единый кандидат», который — и как фактор всеобщей мобилизации, и как сценарий победы — два десятилетия составлял утопический горизонт белорусской оппозиции, в 2020 г. претерпел полное «обнуление», которое многими было воспринято как весьма символичное завершение эпохи «старой оппозиции». Подробное изложение фактической стороны дела касательно участия оппозиции в различных выборах в период с 2005 по 2015 г. см. в материале Микола Мирончика в Белорусском журнале «Как оппозиция ходила на выборы» в 4 частях.

предвыборной борьбы в виде политического антагонизма между Тихановской и Лукашенко (все остальные зарегистрированные кандидаты превратились в фоновую «массовку»). Уникальность гегемонии, завоеванной Тихановской в ходе предвыборной кампании, заключалась в том, что это не была в строгом смысле дискурсивная гегемония (Laclau, Mouffe, 2001). Она не строилась на победе некой конкретной идеологии или политической программы, которую бы Тихановская продвигала в конкуренции с другими идеологиями и политическими программами. По сути, единственным «программным» пунктом ее предвыборной кампании было обещание провести новые президентские выборы, чтобы таким образом восстановить законность и вернуть гражданам возможность реализовать их конституционные права. Такая «программа» была не просто идеологически нейтральна, она располагалась на ином уровне, нежели предвыборные программы в традиционном смысле слова: она касалась не содержания общественной жизни, а рамочных политико-правовых условий, на которых основывается жизнь общества. Переход на этот рамочный уровень (уровень «условий возможности» цивилизованной политической жизни) обеспечил Тихановской поддержку представителей самых разных политических взглядов, которые могли присоединиться к ней и объединиться вокруг нее постольку, поскольку они были согласны с необходимостью восстановления верховенства закона и законосообразного функционирования представительной демократии — в частности, института президентских выборов.

Все вышесказанное прямо касается и особенности антагонистического противостояния Тихановской и Лукашенко. Это не было дискурсивное противостояние — борьба программ и идеологий. Политический антагонизм между этими двумя кандидатами разворачивался не в плоскости дискурсивной борьбы за гегемонию, а в плоскости их прямо противоположных позиций касательно *отношения между властью и законом*. То есть их политическое противостояние разворачивалось не просто в рамках существующего законодательства, а одновременно словно поверх этих рамок — это было противостояние по поводу самих этих рамок, так как последние были нарушены действующим президентом, санкционировавшим незаконные аресты двух своих главных конкурентов в предвыборной кампании и многочисленных активистов.

Модель поведения Лукашенко в целом соответствовала принципу суверенной власти в том виде, как он был концептуализирован в Европейской политической мысли от Гоббса к Шмитту (и недавно реинтерпретирован у Агамбена). В этой традиции суверен-монарх или суверен-диктатор мыслится как инстанция, уполномоченная устанавливать правопорядок в государстве и являющаяся гарантом мира и законопослушания на подконтрольной территории. Шмитт и Агамбен заострили внимание на парадоксе

суверенной власти, состоящем в том, что суверен в одно и то же время находится внутри и за пределами правовой системы (Шмитт, 2000; Агамбен, 2011). Эта парадоксальная топология суверена предполагает, что у него есть право действовать вне рамок им же санкционированной правовой системы. Как суверен он уполномочен принимать решения, выходящие за рамки закона, если он считает, что это необходимо в интересах обеспечения безопасности и порядка в государстве. Формально-юридически этот парадокс закреплен в праве суверена объявлять чрезвычайное положение (state of exception) и таким образом приостанавливать действие общепринятого законодательства⁴.

Несмотря на то, что Лукашенко ни во время предвыборной кампании, ни даже после нее не вводил чрезвычайное положение в официальном порядке, он систематически высказывался⁵ и действовал в манере суверенного произвола — то есть с пониманием и акцентированием своих парадоксальных полномочий самому определять, когда «не до законов»⁶. Таким образом, в рамках предвыборной кампании отчетливо обозначилась своеобразная ловушка суверенной власти, которая способствует переходу к диктатуре и закрепляется при этом режиме в виде конкретной политической тактики: любые акторы или действия, угрожающие сохранению власти суверена, могут быть наперед или постфактум истолкованы как представляющие опасность для государства и, соответственно, в отношении них могут быть санкционированы некие экстраординарные, чрезвычайные меры.

Как было отмечено выше, политический антагонизм между Тихановской и Лукашенко затрагивал, собственно, само устройство суверенной власти. В этой связи позиция Тихановской также отличалась определенным парадоксом. Она вступила в борьбу за президентство, чтобы использовать суверенную власть для перезагрузки института президентских выборов в соответствии с Конституцией. Выполнение этой задачи, с одной стороны, предполагало обретение ею суверенной позиции, с другой — самоустранение

4 В этой связи в Конституции РБ есть пункты о праве президента объявлять чрезвычайное положение, а также военное положение (см., соответственно, пункты 22 и 29 статьи 84 Конституции РБ).

5 Когда президент Беларуси на совещании с новым правительством (04.06.2020), сославшись на пример бывшего президента Узбекистана Каримова, недвусмысленно обозначил свою готовность использовать оружие против протестующих, он тем самым действовал как лицо, уполномоченное принимать такого рода меры «в интересах безопасности государства».

6 Фраза «не до законов» взята из выступления Лукашенко перед работниками прокуратуры 10.09.2020: «Хотя, когда осуществляется практически наглая интервенция, как я ее называю, извне, и она подогревается изнутри и руководится извне. Вы знаете, там иногда не до законов. Надо принять жесткие меры, чтобы остановить всякую дрянь, которая на это претендует». См. <https://www.youtube.com/watch?v=EVzWN4lhVBs>

в качестве суверена. Такая предвыборная программа была способом обозначения возможности и необходимости альтернативного отношения к Закону со стороны обладателя суверенной властью. Эта альтернатива и обеспечила Тихановской гегемонию. С точки зрения избирателей, антагонизм Тихановской и Лукашенко представлял как возможность выбрать между обществом, основанным на верховенстве закона, и обществом, в котором никто не может чувствовать себя в безопасности, так как закон может быть «приостановлен» по произволу суверена. Это было элементарное противостояние между *хорошим обществом* и *плохим обществом*. С того самого времени черно-белое восприятие — а вместе с ним и определенная наивность публичного политического дискурса — стали отличительной чертой политического кризиса в Беларуси. На языке Грамши зафиксированная антагонистическая поляризация, при которой гегемония сосредоточивается на одном полюсе и отсутствует на другом, может быть описана как: господство без гегемонии⁷ *versus* гегемония без господства.

Можно сказать, что Тихановская репрезентировала *хорошее общество* как «пустое означающее» (Laclau, 1994) и что она обрела эту гегемоническую позицию постольку, поскольку ее артикуляция⁸ репрезентируемого пустого означающего сделала возможной базовую идентификацию с этим пустым означающим среди критической массы социальных акторов. В свою очередь названная идентификация является необходимым условием для появления сил, готовых публично отстаивать их «хорошее общество». Данное описание, опирающееся на понятийный аппарат Лакло, требует, однако, уточнения, дополнительного комментария, поскольку

7 Понятийный оборот «господство без гегемонии» ввёл историк Ранаджит Гуха (Guha, 1998): развивая идеи Грамши (анализировавшего, в частности, феномен диктатуры без гегемонии), Гуха использовал названный оборот для характеристики власти колониального государства в Южной Азии. Стоит отметить также, что различие господства и гегемонии имеет очевидные исторические параллели с древнеримским различием двух типов власти: *potestas* и *auctoritas*. В обоих случаях речь идет о различении власти силы и принуждения, с одной стороны, и власти морального авторитета и идейного лидерства, с другой (Agamben, 2005, 75ff.). При этом латинский термин *auctoritas* в большей степени акцентирует момент морального авторитета, чем марксистский термин гегемония. Так как термин авторитаризм (как подчинение одному *authority*) этимологически восходит к латинскому термину *auctoritas*, можно констатировать, во-первых, что авторитаризм — это политический порядок, основанный на сосредоточении обоих типов власти в одних руках (в Римской республике указанные два типа власти распределялись между разными субъектами), и, во-вторых, что кризис авторитаризма Лукашенко заключается в реальной утрате власти *auctoritas*, то есть власти морального авторитета и идейного лидерства. Совершенно очевидно, что эта утрата случилась не в 2020, а прогрессировала последние 10-15 лет, и в 2020 достигла своего апогея.

8 Не будем забывать: артикуляция на три голоса.

«случай Тихановской» (пример предэлекторальной массовой мобилизации в поддержку Тихановской как альтернативы Лукашенко) не схватывается понятийной сеткой Лакло *sensu stricto*. Уже из предыдущего анализа следует, что структура антагонизма здесь функционирует иначе, и с этим связаны подвижки в понимании пустого означающего, гегемонии, Этического и, соответственно, отношения между Этическим и Политическим.

В беларусском кейсе антагонизм, т.е. радикальная установка на исключение, принимает черты объективного противостояния, так как является одновременно политическим и этическим отношением (ср. Laclau, 2000, p. 72). Произволу суверена противопоставляется этическое требование самоограничения суверена принципом верховенства закона, соответственно, плохому обществу противопоставляется хорошее общество. При этом общество, основанное на законе, фигурирует в предвыборной программе Тихановской как пустое означающее, которое не наполняется никаким партикулярным содержанием. Она не представляет никакую отдельную политическую группу, партикулярность которой продвигалась бы как воплощение — содержательное наполнение — пустого означающего «хорошее общество» (ср. Laclau, 1994, p. 176). Единственное содержательное наполнение, которое получает пустое понятие «хорошее общество», — это: общество, основанное на законе. Данное наполнение определяется через антагонистическое отношение — исключение произвола суверена, — поддерживаемое критическим большинством. Таким образом, гегемония не является здесь «именем для нестабильного отношения между *этическим и нормативным*» (Laclau, 2000, p. 81). Гегемония Тихановской устанавливается не посредством этической инвестиции в некую конкретную форму нормативного порядка (ср. Laclau, 2000, p. 84), а в силу антагонистического исключения репрезентируемой Лукашенко модели отношения между властью и законом — соответственно, в силу исключения «общества без верховенства закона» как «плохого общества». Представляя «хороший» полюс этого антагонизма, Тихановская, символически, сама выступала как парадоксальное воплощение пустого означающего «хорошее общество». Ее гегемоническая репрезентация этого пустого означающего оставляла открытым горизонт «отсутствующего целого» (ср. Laclau, 1994, p. 178) для его последующего плюрално-конкурентного демократического освоения разнообразными политическими силами. Характерно, что на протяжении всей предвыборной кампании Тихановская последовательно сопротивлялась любой символической апроприации пустого означающего тем или иным идеологическим дискурсом⁹,

9 Ср. Лакло трактует гегемонию как «отношение, посредством которого некое партикулярное содержание, в определенном контексте, берет на себя

т.е. сопротивлялась тому, что в теории Лакло/Муфф называется «разрывом пустого означающего».

Переинтерпретация понятийной сетки Лакло/Муфф потребовалась потому, что их анализ сфокусирован на структурных принципах, препятствующих закрытию (*closure*) символического порядка, т.е. принципах, обуславливающих открытость общества как поля непрестанной борьбы за гегемонию. События в Беларуси перемещали фокус на *modus operandi* суверенной власти, в результате чего вопрос гегемонии представал не как вопрос дискурса (конкурирующих дискурсов), а как вопрос внедискурсивного самоопределения касательно отношения между властью и законом. Если в первом ракурсе обосновывалась невозможность объективной (преодолевающей партикулярность) гегемонической репрезентации, то во втором речь шла о необходимости этического самоограничения суверена законом. Соответственно, в первом ракурсе антагонизм мыслится как отношение, которое указывает на границу объективности (любого дискурса), а во втором — как отношение, которое объективно-императивно исключает конкретный *modus operandi* суверенной власти.

Таким образом, гегемония, ставшая основанием для гражданской консолидации в предэлекторальный период, была достигнута в силу описанного выше этического фреймирования Политического. Этическое измерение конституировалось одновременно и персональным этико-политическим решением субъекта-лидера, и объективным этическим противопоставлением хорошего общества плохому. Это противопоставление разделялось критической массой социальных акторов и репрезентировалось контингентной¹⁰ гегемонической фигурой. Внедискурсивная убедительность этой гегемонии основывалась в конечном счете на отказе Тихановской от полномасштабного вхождения во власть и освоения суверенных полномочий, предполагаемых позицией президента. Этот жест перекликается с критикой Беньямином идолопоклонства, имплицитно заложенного в возлагании суверенной власти на конкретного человека (Benjamin, 1986). Так называемая «техническая» функция Тихановской в качестве кандидата в президенты предполагала, в случае избрания, отказ от реализации квазибожественных полномочий суверенной власти. Редуцируя наперед свои полномочия к формальному перезапуску порядка представительной демократии (проведению новых президентских выборов), Тихановская обозначала новую модальность суверенной

функцию воплощения отсутствующей полноты» (Laclau, 2014, p. 48). Ср. также: Laclau, 1994, p. 176.

10 Здесь можно отследить еще одну смысловую подвижку: контингентным в белорусских событиях является не партикулярный дискурс, обретающий гегемонию (как у Лакло), а собственно фигура гегемонического лидера.

власти: быть не учредителем земного Закона, а тем/той, кто обеспечивает возможность для (пере)запуска отношения между властью и законом в интересах «хорошего общества»¹¹.

Этика-и-политика ненасилия

...словно некое грандиозное потрясение требуется для того, чтобы дух солидарности возродился в тех обществах, в которых мы живем.

С. Жижек

Эта часть будет посвящена анализу событий и процессов, которые стали происходить в Беларуси после объявления властями результатов голосования. Мой ключевой тезис состоит в том, что в основе постэлекторальной динамики протеста лежит структурный разрыв между этикой и политикой, между Этическим и Политическим — разрыв, который стал результатом вторжения беспрецедентного физического насилия со стороны государственной власти в период с 9 по 11 августа 2020 г. Под этикой понимается система взглядов и принципов, характерная для данного общества и отражающая базовое (разделяемое всеми членами общества) понимание того, «что такое хорошо и что такое плохо», соответственно, допустимого и недопустимого в социальном взаимодействии. Под политикой — совокупность институтов и практических мер, целью которых является сохранение или обретение различными социальными акторами прав/возможностей определять законы общественной жизни и контролировать их выполнение. В обычных — относительно стабильных — социальных условиях политика основывается на соответствующей социальной этике, Политическое переплетается с Этическим.

Вторжение неограниченного физического насилия и сам факт санкционирования этого насилия властью стали потрясением для дорефлективной системы нормальности в обществе (системы

11 Здесь открывается перспектива для негативной теологии, в свете которой гегемоническая фигура, воплощенная Тихановской, может быть концептуализирована как *Political virgin*. В обычной жизни данное выражение используется для обозначения человека, не имеющего опыта в сфере политики. Я предлагаю произвести своего рода апгрейд этого базового значения и понимать под *Political virgin* политическую фигуру, которая не репрезентирует никакую партикулярную группу и обретает гегемонию именно благодаря последовательному воздержанию от идентификации с тем или иным партикулярным идеологическим дискурсом (Ср. Неггео, 2019). Мне представляется, что разработка этого направления (релевантного дискурса негативной теологии) может оказаться очень перспективной для переформулирования как гендерной, так и национальной проблематики в более конструктивном ключе (не отягощенном методологическими тупиками соответствующих дихотомий эссенциализма и конструктивизма).

здорового смысла), которая является фундирующим слоем социальной этики¹². В экзистенциальном плане коллапс системы нормальности переживается индивидом как потрясение, которое подрывает базовое доверие индивида к его жизненному миру (Гуссерль; Хабермас). В результате событий 9–11 августа 2020 г. *common sense* как пред-данное «здоровое» основание социальной жизни дал трещину, не тематизировавшаяся ранее общая ценностно-нормативная почва просела. Дорефлексивная вера в то, что определенные вещи (например, открытые убийства и истязания «без суда и следствия» представителями государственных органов) не могут случиться — и тем более стать «нормой», — рухнула. Какой бы наивной эта вера ни была, она была частью системы здравого смысла, которая характерна для белорусов как конкретной культурно-исторической общности и формируется из сложного переплетения национального менталитета и постсоветского социального контракта (Гайдук, Ракова, Силицкий, 2009)¹³.

- 12 Понятие здравого смысла (*common sense*) имеет весьма богатую традицию в истории философии, восходящую к «общему чувству» (*koine aesthesis*) Аристотеля и *κοινοῦ αἰσθητικῆ* Марка Аврелия и других римских философов (см. Гадамер, 1988, с. 61–67). В данной статье мы ориентируемся на трактовку этого понятия у Дж. Вико, который определенным образом объединил две основные линии в концептуализации данного понятия в греческой и римской античности. В изложении Гадамера суть подхода Вико выражена следующим образом: «здравый смысл — это чувство правильности и общего блага, которое живет во всех людях, но еще в большей степени это чувство, получаемое благодаря общности жизни, благодаря ее укладу и целям» (Там же, с. 64).
- 13 «Говоря о социальном контракте в Беларуси, мы приходим к глобальному утверждению: белорусская стабильность основана на согласии общества с тем положением вещей в стране, которое определено властью; в свою очередь, власть выполняет определенный минимум обязательств, обещанных обществу» (Гайдук, Ракова, Силицкий, 2009, с. 5). Я в целом согласна с приведенной формулировкой, но вот следующий тезис редакторов цитируемого сборника представляется мне проблематичным: «Для Беларуси характерен вертикальный социальный контракт, когда представители различных социальных групп, будучи не в состоянии договориться друг с другом о взаимных правах, “сдают” свои права в казну некоему правителю. Последний дальше начинает эти права перераспределять без согласия людей, которые не смогли договориться между собой» (Там же, с. 5–6). Здесь утверждается некорректная, на мой взгляд, причинно-следственная связь. Неспособность договориться друг с другом не причина, не исходная почва для указанной «сдачи», а сама является сущностной импликацией патерналистской модели, унаследованной от советской системы, т.е. логическое отношение здесь скорее прямо противоположное. Примечательным в данной книге является также отсылка к выдающимся французским мыслителям 17 века как авторам теории общественного договора (Там же, с. 5). Дело не только в необходимости восстановления исторической справедливости: среди первых авторов этой теории были два английских философа — Гоббс и Локк. Еще более важным является существенное отличие теории Гоббса от последующих версий, которое делает именно его версию наиболее интересной для анализа современных реалий белорусского государства.

По своей структуре (структуре проживаемого опыта) описываемое потрясение сопоставимо с тем потрясением, которое Ян Паточка рассматривал в качестве конститутивного момента аутентичной человеческой экзистенции и одновременно в качестве учредительного события человеческой истории — истории как процесса совместного ответственного преобразования человеческого мира (Паточка, 2008). Так чешский философ понимал историю Европы и ее турбулентный исток: распад мифологической эпохи и вступление человечества в открытость и неопределенность, требовавшие рефлексивного осмысления и ответственного самоопределения. Термин «потрясение» используется чешским философом еще и в другом значении, представляющем для нас не меньший интерес. Если первое значение является структурным (потрясение как конститутивный момент в свершении человеческой экзистенции и истории), то второе — фигуративным: Паточка говорит о потрясении, которое пережили солдаты на фронте в Первой мировой войне (см. шестое эссе в: Паточка, 2008). Фронтное потрясение описывается им как нечто ужасающее, как столкновение с абсурдностью. Связь между первым и вторым смыслами намечается чешским философом в вопросе: «Каким образом “фронтный опыт” может приобрести ту форму, которая сделала бы его историческим фактором?» (Там же, с. 165). Паточка имеет здесь в виду: каким образом фронтный опыт может привести к преодолению войны как парадигмы современного мира? Его ответ: посредством «солидарности потрясенных», «солидарности тех, кто сумел понять, о чем идет речь [в ситуации] жизни и смерти и в результате в истории» (Там же).

Таким образом, конкретный опыт травматического столкновения с чем-то Немыслимым позиционируется в рассуждениях Паточки как возможная эмпирическая (онтическая) предпосылка для активации потрясения как структурного (онтологического) принципа, осуществляющего обновление человеческой жизни и истории. Этот ход мысли кажется очень перспективным для понимания конститутивных элементов и генезиса Беларусской революции. Так, тезис Паточки о том, что история возникает в результате потрясения привычных повседневных смыслов: когда все, что казалось очевидным, несомненным и надежным, «проседает», — применительно к нашей ситуации означает, прежде всего, указанное выше аффективное потрясение системы здравого смысла. В результате этого потрясения произошел разрыв между Этическим и Политическим, который определил характер новой радикальной поляризации в обществе: на эксцесс суверенной власти (санкционирование экстраординарного физического насилия), который перечеркнул Этическое как всеобщее, граждане ответили этикой ненасилия, в основе которой лежит не только необратимость травмы, но также «нудительность» (Бахтин), с которой травматическое потрясение имплицитно требует

прекращения порядка насилия. В плане исторических параллелей данный пример эксцесса суверенной власти на первый взгляд сопоставим с эксцессом суверенной власти, пример которого мы находим в нацистском режиме. Однако, Агамбеновский анализ суверенной власти и феномена «состояния исключения» позволяет провести принципиальное — структурное — различие между соответствующими диктаторскими позициями. Согласно Агамбену, установление гитлеровского режима в 1933–1945 стало введением «состояния исключения» именно потому, что произошло объединение в одних руках обоих типов власти — *potestas* и *auctoritas*¹⁴ (Agamben, 2005, 86). Что же касается Лукашенко, то, как уже отмечалось ранее, исполненный им эксцесс суверенной власти обусловлен не объединением, а провалом объединения/сохранения двух типов власти в одних руках.

Противостояние между этикой ненасилия и беспредельной властью суверена представляется эвристичной оптикой для анализа и описания постэлекторальных протестных акций и в целом разворачивания политического кризиса в Беларуси. В практическом плане разрыв между Этическим и Политическим означал разрыв социального контракта, на котором долгие годы держался режим Лукашенко. Активирование нового социального контракта должно было предполагать, соответственно, переустройство отношения между Этическим и Политическим, между этикой и политикой. Массовое протестное движение, развернувшееся с воскресенья 16 августа 2020 г., можно рассматривать как демократическое определение генерального направления такого переустройства: *этика ненасилия утверждает себя через политику ненасилия* — разные формы мирного протеста, которые разворачиваются сначала спонтанно, а впоследствии со все большей степенью рефлексивности, осознания избранного пути. Таким образом, массовая гражданская мобилизация стала манифестацией того, что Паточка называл «солидарностью потрясенных». Солидарность выростала на почве аффективной реакции (негодования, возмущения, гнева) на «двойное преступление» суверена — закрепление несправедливости насилием. Эта реакция содержала в себе этическую импликацию: антагонистический императив «так жить нельзя», который был активирован травмой.

Философский и одновременно практический вопрос, который требует прояснения: каким образом — при каких условиях — осуществляется переход от этики к политике ненасилия, т. е. к практике политической борьбы мирными методами? Я затрону только один аспект этого вопроса, касающийся субъектности людей, переживающих травматическое потрясение: каким образом дисперсное «сообщество потрясенных» оказывается в состоянии

14 См. сноску 7.

интегрироваться и мобилизоваться в направлении новой коллективной потенциальности — публичного самоутверждения через мирный протест? Можно исходить из того, что первоначально на уровне масс имело место переживание реактивных аффектов (от подавленности и оторопи до возмущения и гнева), что люди делились этими переживаниями в кругу близких и своих социальных сетях. Фактом является также то, что люди не пошли по пути симметричного ответа — ответа расплатой и возмездием, — к которому импульсивно подталкивает гнев. В этой связи стоит указать на две очень разные попытки предложить конструктивное осмысление гнева как сильной эмоции, которая может быть элементом, модулирующим движение к осознанным социальным или политическим трансформациям. С одной стороны, политолог Дэвид Ост предлагает трактовать политику как «мобилизацию гнева» (Ost, 2004), с другой — философ Марта Нуссбаум вводит понятие «транзитивного гнева» (Transition-Anger) (Nussbaum, 2018, p. 36), имея в виду эмоциональное состояние, которое сподвигает на позитивные социальные изменения. Однако ни одна из этих попыток не помогает осмыслить интересующую нас ситуацию. Нуссбаум под «транзитивным гневом» понимает весьма специфическую рациональную эмоцию, ориентированную в будущее и нацеленную на социальное благополучие. Ее анализ выполнен в ключе моральной психологии и сильно отклоняется от опыта коллективного травматического потрясения, примером которого стали события в Беларуси. В свою очередь, мобилизация гнева, о которой пишет Ост, относится им к партийной работе, т.е. предполагает некую искусную политическую стратегию и тактику, канализирующую народный гнев в нужное русло. Это также расходится с событиями в Беларуси, так как в августе 2020 не было никакой централизованной политической координации травмированного и возмущенного гражданского общества. Революцию никто не планировал, и тем более она не могла рассматриваться как закономерное следствие из некоего ряда событий. Общество столкнулось с Немыслимым, привычная опора для социального взаимодействия была утрачена — в этом состояла фактичность момента.

Чтобы понять, каким образом общество выходило из состояния «проседания почвы под ногами», мне кажется перспективным обратиться к понятию *политического возвышенного* (Shapiro, 2018). Шапиро разрабатывает оригинальную концепцию политики эстетики, построенную на анализе опыта возвышенного. Понятие возвышенного высвобождается у него из метафизической рамки классической эстетики. Отталкиваясь отчасти от идей Лиотара (Lyotard, 1994), Шапиро понимает опыт возвышенного как опыт прохождения через «событие разрыва» (disruptive event) — разрыва, возникающего в результате столкновения с чем-то радикально чуждым, немыслимым, непредставимым, невыговариваемым.

Возвышенное и есть способ проживания-переживания разрыва и манифестации этого переживания. Если зайти с другой стороны: разрыв — то, что особым образом манифестируется посредством возвышенного. Центральный тезис концепции Шапиро звучит следующим образом: «решающие политические инициативы, которые бросают вызов повелительным и институционализированным модусам власти и господства, предваряются событиями разрыва, провоцирующими формирование сообществ, создающих оппозиционный смысл» (Sharipo 2018, p. 4). Подчеркну, «события разрыва» понимаются здесь как субъективное переживание столкновения с немислимым в опыте возвышенного. Соответственно, политический вектор анализа определяется вопросом: каким образом опыт возвышенного активирует новые оппозиционные сообщества, новые смыслы и режимы чувствования, инспирирующие новые политические инициативы¹⁵?

Если мы посмотрим теперь на генезис Белорусского протестного движения, то будем, вероятно, поражены тем, насколько значимую роль сыграл здесь опыт возвышенного. Массовый революционный подъем стал возможен и был активирован, так сказать, именно в силу появления измерения Возвышенного, которое было учреждено женскими «белыми акциями» 12–13 августа¹⁶. Ретроспективно мы можем признать женские «белые цепи» инаугурационным актом Белорусской революции, поскольку они активировали способность сообщества к коллективному сопротивлению. Этот опыт политического возвышенного родился из столкновения с эксцессом насилия как чем-то непостижимым и экзистенциально-этически отторгаемым — *нечеловеческим*. Сам этот опыт возвышенного имел разрывной/прорывной¹⁷ эффект, открывающий возможность новой социально-политической динамики для переживших потрясение. Женские «белые акции» как способ проживания/выражения опыта Возвышенного имели перформативный характер. В этой связи следует различать два аспекта: 1) сам праксис политического возвышенного (действие, реализованное конкретной группой людей); 2) Возвышенное как «объект», который воспринимается другими и который, будучи воспринимаемым, имеет потенциал пробуждать чувство сопричастности и солидарности. Речь идет о перформативном объекте, который,

15 Ср. с рассуждениями Паточки о «преобразовании жизненного смысла, наталкивающегося на непреодолимую границу» при описании индивидуального фронтального опыта (Паточка, 2008, с. 161).

16 См. статью В. Иванова в данном выпуске.

17 Английское слово *disruptive* имеет два смысла: разрыв с чем-то и прорыв к чему-то новому. Оба важны для описания опыта возвышенного, который не только наталкивается на границу представимого, но и производит специфическое переформатирование режима чувственности, которое намечает горизонт (способность) трансцендирования.

подобно социальным ритуалам, активирует определенный коллективный отклик.

Таким образом, переход от потрясения — от разрыва между Этическим и Политическим — к политической имплементации этики ненасилия был эмпирически опосредован и структурно обусловлен уникальным опытом политического возвышенного. Тот факт, что конститутивным субъектом политического возвышенного Белорусской революции выступили женщины, не является вторичным, а имеет принципиальное (сущностное) значение. Политическое возвышенное выступает одновременно и как фемининное возвышенное постольку, поскольку его импликацией является опрокидывание патриархатно-авторитарного порядка, для которого насилие (в его разнообразных формах) является главным инструментом власти (ср. Freeman, 1995)¹⁸. Введение/появление измерения возвышенного посреди шокированного насилием общества позволило перезагрузить коллективное политическое воображение и воодушевило на массовый мирный протест. Опыт возвышенного, сопряженный с критическим эмоциональным напряжением и переформатированием мотивационной структуры субъекта, открыл возможность для нового понимания ситуации и для нового политического праксиса. Он активировал новую протестную динамику и стал предпосылкой для уникальной политической креативности.

18 Сказанное открывает принципиально новую перспективу для осмысления вопроса о позиционировании женского субъекта в Белорусской революции. Новый подход предполагает критическую дистанцию и по отношению к тезису о «женском лице» революции, и по отношению к гендерной критике патриархатных паттернов в поведении и риторике активисток и женщин-лидеров демократических сил.

С этого момента мы можем определять активный протест с помощью сложного понятия: *этика-и-политика ненасилия*. Дефиниционное написание призвано подчеркнуть перманентное этическое фундирование политической практики, или, еще точнее, взгляд на политику как имплементацию базовой этической установки, лаконично транслированной в надписи на протестных плакатах: «Стоп насилие!» Массовые мирные марши стали уникальной политической эпифанией — явлением и самоутверждением солидарной демократической плюральной множественности¹⁹ как нового политического субъекта. Таким образом, о революции применительно к белорусским событиям можно говорить, как минимум, в смысле *революционного прорыва*, в результате которого «народ» перестал быть номинальной политической фигурой, а предъявил себя *in concreto* в качестве плюральной демократической общности, противостоящей суверену-диктатору. Общее благо, вокруг/ради которого эта общность сложилась, — установление социального порядка, построенного на принципе верховенства закона и исключающего злоупотребление суверенной властью (произвол в применении насилия). Противостояние двух суверенов — демократической общности и диктатора — стало сутью политического кризиса в стране.

Предложенная аналитическая оптика позволяет дать оценку парадоксальному ритму и длительности состоявшихся массовых маршей: неделю трудимся — на выходные протестуем, и так более 2 месяцев! Нужно осознать амбивалентность этого феномена. С одной стороны, он был обусловлен долгой историей подавления гражданской субъектности (Фурс, 2005; Щитцова, 2020), отсутствием опыта коллективного политического действия, выработки и реализации единой стратегии и тактики²⁰. С другой стороны,

19 Здесь следует подчеркнуть, что распространенное определение Белорусской революции как революции среднего класса упускает (или игнорирует) политическую значимость широкой представленности самых разных социальных групп в протестном движении. Говоря марксистским языком, новая демократическая гегемония, проложившая себе путь в 2020, никоим образом не может быть определена как классовая гегемония.

20 Здесь можно добавить такие моменты, как отсутствие опорной политической инфраструктуры (партии, движения и т.п.), отсутствие политического

в нем выказывало себя специфическое упорствующее терпение (*упартасць, трываласць*), настойчивость и неотступность в регулярной — в рамках повседневного недельного расписания — демонстрации гражданского несогласия. Белорусы в определенном смысле сделали протест элементом мирной рутины: продолжая обеспечивать социальное воспроизводство и, соответственно, функционирование государства по будням, они на выходных демонстрировали власти свое радикальное несогласие со *status quo*. Так выглядел объявленный народом *state of exception* — отказ от частной жизни в пользу «общего дела», демонстрации гражданской солидарности. Регулярными массовыми выходами на марши «сообщество потрясенных» словно говорило: вот Мы, «Мы» есть — Мы собрались здесь по собственной воле против диктатора, узурпировавшего власть. Манифестация народного суверенитета состоялась через продолжительное, повторяющееся физическое самопредъявление: предъявление себя как *political body*, что является базовым условием всех дальнейших политических требований²¹.

опыта у ключевых лидеров и членов их команды, а также аресты и эмиграцию целого ряда лидеров. Следует отметить, однако, что названные недостатки сочетались с новыми уникальными возможностями: децентрализованным лидерством, активным формированием горизонтальных связей, масштабным задействованием электронной коммуникации для сетевого взаимодействия.

- 21 Отсюда открывается перспектива для пересмотра вопроса о нации — национальном самосознании, — который очень по-разному трактуется участниками и аналитиками Белорусского протестного движения. Данный вопрос требует отдельного рассмотрения, поэтому здесь я ограничусь кратким обозначением своей позиции. Мне представляется, что предложенная в статье аналитическая оптика помогает прояснить специфику актуализации национальной повестки в контексте протестного движения. Спонтанная протестная активность заключала в себе нормативное ядро, определявшее форму и горизонт возможностей протестного дви-

Интересно сравнить белорусский протестный опыт с рассуждениями Батлер о свободе собраний и ненасильственном сопротивлении насилию:

«В ненасилии я хочу подчеркнуть следующее: дело не только в том, что об этом принципе нужно всегда помнить, но и в том, что надо определять этим принципом наше поведение и даже желание: можно сказать, что дело в том, как уступить принципу. Ненасильственное действие не сводится к упражнению воли, то есть воздержанию от агрессивных импульсов; оно является коллективной телесной формой активной борьбы, поддерживаемой культивируемым ограничением» (Батлер, 2018, 183-184; курсив везде мой – Т.Щ.).

Обращает на себя внимание нерелевантность этого описания белорусскому мирному протесту (по крайней мере *en masse*). Ни специальной уступки, ни особых упражнений воли, ни целенаправленного культивирования ограничения не требовалось белорусскому гражданскому обществу для того, чтобы еженедельно выходить на мирные протестные акции. Скорее история нашего протестного движения показала, что Мы как политический субъект решительно неспособны на коллективное насилие. Какой бы ни была оценка этого факта, необходимо признать, что именно в этой неспособности к силовому противодействию народное *political body* проявилось как суверен, антагонистически противоположный суверену-диктатору²².

жения. Мы определили это нормативное ядро как этику ненасилия. Последняя проявилась и была активирована в ситуации кризиса как базовый элемент нашего сообщества как конкретного культурно-исторического образования. В этой связи кажется обоснованным и перспективным про-извести концептуальный сдвиг от понятия 'ethnos' (отдельной этнической группы) к понятию 'ethos' (совокупности норм, ценностей и поведенческих паттернов) как характеристике данной культурно-исторической общности, относящейся к соответствующей территории. Тем самым предполагается также сдвиг от понятия национальной (этнической) идентичности, с одной стороны, к понятию национального хабитуса, складывающегося в результате социализации в соответствующем геокультурном сообществе, и, с другой стороны, к понятию идентификации, предполагающему возможность переосмысления связи между прошлым, настоящим и будущим. Предложенный сдвиг позволяет сделать национальную повестку более инклюзивной, сохраняя при этом ценность и валидность общей истории и географии. Опираясь на эту методологическую подвижку, можно аргументировать, что в плане актуализации вопроса о нации Белорусская революция вышла за рамки классической дихотомии этнического и гражданского национализмов, развернув перформативную перспективу коллективного утверждения собственного этоса в политическом противостоянии эксцессу суверенной власти.

22 Различные независимые опросы и, в частности, данные последнего (июльского) опроса Chatham house показывают, что этика ненасилия остается

Заключение. Тяжба о суверенности.

Чтобы подвести итоги, нужно прежде всего обратить внимание на структурную комплементарность этического фреймирования политического антагонизма, которое обеспечило предэлекторальную консолидацию гражданского общества, и этики ненасилия, которая легла в основание постэлекторальной солидарной мобилизации «потрясенных». Предвыборный политический антагонизм трансформировался после выборов в открытое мирное восстание суверена-народа против суверена-диктатора, основанное на травматическом переустановлении отношения между Этическим и Политическим. Политико-правовой смысл этого противостояния заключается в перманентной делегитимации власти суверена-диктатора. Кризис предстает как тяжба о суверенности, в которой исключен компромисс, если понимать эту тяжбу онтологически, т.е. не как конфликт между эмпирическими субъектами/группами, а как процесс исторического разбирательства, в котором на кону стоит принцип суверенной власти и борьба идет за то, закрепится он в гоббсовско-шмиттовской форме квазибожественного произвола суверена (как единоличного *authority* в государстве) или же будет пересмотрен ввиду революционно-нового запроса на построение «хорошего» демократического общества. Бескомпромиссность этой тяжбы проявляется в абсолютно полярном восприятии и истолковании происходящего разными сторонами. С точки зрения продемократически настроенного гражданского общества противостояние суверену-диктатору делает все его чрезвычайные меры *изоморфными внешнему вторжению*: узурпировав власть, он действует по отношению к нелояльным гражданам как к врагам. Это указывает на обоснованность использования понятия *внутренней оккупации* для характеристики репрессивной политики режима Лукашенко.

В то же время с точки зрения суверена-диктатора, столкнувшегося с кризисом авторитетности и легитимности, продвигается совершенно иная картина мира. Там, где репрессированное, но не выказывающее лояльности общество видит внутреннюю оккупацию, диктатор²³ воображает чрезвычайное положение, логика которого требует последовательного проведения репрессий и символического насилия в виде пропагандистского производства требуемой

позицией демократического большинства: 61% опрошенных поддерживают требование остановить насилие и освободить политзаключенных.

23 Лукашенко рассматривается как пример диктатора, злоупотребляющего возможностями суверенной власти. В этой части наша трактовка отклоняется от понимания диктатуры у Шмитта. Немецкий мыслитель разделяет два типа диктатуры — комиссарскую (уполномоченную высшей инстанцией) и суверенную (формирующуюся в ходе революции и нацеленную на установление нового политического порядка) (Шмитт, 2018).

идеологической картины мира. Эта картина совершенно предсказуема и при этом гротескна: враги снаружи — враги внутри, международный заговор, необходимость общей мобилизации и народного единства, необходимость сплочения вокруг лидера/отца нации, являющегося гарантом независимости государства.

Важно подчеркнуть, что в рамках тяжбы народная делигитимация суверенного правителя отделяет вопрос о государственном суверенитете от личности суверена-диктатора. Здесь снова обнаруживается специфика белорусского кейса. Так, Батлер в уже упоминавшейся книге пишет: «...воззвание “мы” отделяет народный суверенитет от государственного; оно снова и снова именуется и учреждает разницу между ними. /.../ Народный суверенитет имеет смысл только в таком непрерывном акте отделения от государственного» (Батлер, 2018, 167). В силу радикального антагонизма между произволом/эксцессом суверенной власти со стороны диктатора и этикой-и-политикой ненасилия со стороны демократической общности *расхождение суверенитетов* как главное напряжение политической жизни перемещается в другой регистр: возникает строгая дизъюнкция между суверенитетом правителя и суверенитетом народа, в результате чего суверенитет государства также оказывается под вопросом. Соответственно, репрезентация государственного суверенитета во внешнем мире открывается как канал для укрепления суверенитета репрезентирующего лица или органа. Этим объясняется, по всей видимости, внешнеполитическая авантюра Лукашенко с миграционным кризисом, который мог рассматриваться им как перспективный способ заставить считаться с собой как с сувереном, утвердиться в качестве суверена в международных отношениях.

Необходимость пересмотра вопроса о суверенной власти — главная политическая и одновременно философская задача, которая открывается перед «сообществом потрясенных» ввиду того исторического сдвига, настоящего революционного прорыва, который произошел в Беларуси в 2020 г. Как известно, Европейская политическая традиция изобрела ряд проверенных инструментов для избегания или минимизации риска злоупотребления суверенной властью, а именно злоупотребления эксклюзивным правом действовать за рамками закона (обозначать «состояние исключения» и под этим предлогом задействовать экстраординарные, в том числе насильственные, меры). Главными такими инструментами являются принцип разделения властей и парламентская традиция. При этом суверенная власть как власть устанавливать правопорядок (учреждать Закон) остается основанием политической реальности, она лишь определенным образом распродоточивается и обезличивается — преломляется через призму сложных процедур принятия «последнего решения» (ср. Норт,

Уоллис, Вайнгаст, 2011)²⁴. Именно демократизация процедуры принятия политических решений маркирует переход от домодерного способа отправления суверенной власти сувереном-монархом, обладавшим правом прямого распоряжения жизнью и смертью подданных (Фуко, 2018, с. 238). Фуко, определивший современную технологию власти как биополитику, заострил при этом внимание на праве государственной власти на убийство, проявляющемся в виде права принимать решение о ведении войны (Там же, с. 240; см. также Kelly, 2004). «Эта чудовищная власть смерти», как пишет Фуко, является дополнением к биовласти, т.е. «власти, которая позитивным образом осуществляется над жизнью, которая берется ею управлять, ее усиливать и умножать, осуществлять педантичный контроль над ней и ее регулирование в целом» (Фуко, 2018). Со всем недавно суверенная власть как власть распоряжения жизнью и смертью была продемонстрирована в связи с принятием правительствами разных стран ряда экстраординарных антиковидных мер: например, тех, которые определяли порядок доступа различных социальных групп к определенным типам медицинской помощи. В Беларуси право суверена распоряжаться жизнью и смертью граждан наиболее красноречиво отражено в положении Конституции об исключительном праве президента на помилование осужденных на смертную казнь, само существование которой в нашей правовой системе является отзвуком домодерного кода принципа суверенности, предполагавшего единоличное распоряжение суверена-монарха жизнью и смертью подданных. Эксцесс суверенной власти, рассмотренный в данной статье, также заставляет вспомнить домодерную парадигму, в рамках которой суверенное право распоряжаться жизнью и смертью основывалось на праве суверена защищаться (Там же). Радикальное отличие нашей ситуации, не позволяющее удовлетвориться сравнением Лукашенко с «феодалом», состоит в том, что агрессивная защита единоличной власти осуществляется им в конечном счете не от имени личного суверенитета, а от имени суверенитета государственного, то есть от имени *res publica*.

Политический кризис в Беларуси — противостояние двух суверенов — прямо выводит гражданское общество к вопросу, которым Бенджамин задается в работе «Критика насилия» (Benjamin, 1986): вопросу о том, *каким образом устанавливается сама рамка Закона, внутри которой все легитимируется в соответствии с предполагаемыми этой рамкой правилами?* Это вопрос о том, как будет осуществлять свою суверенную власть народ (демократическая множественность), если/когда противостояние

24 Авторы этой книги не обращаются к понятию суверенной власти, и поэтому за рамками их анализа оказывается ряд важных философских вопросов, касающихся топологии суверенности и, соответственно, принципов и способов опосредования между насилием и правопорядком.

завершится падением режима Лукашенко? Другими словами, характер описанного выше этико-политического антагонизма подводит к необходимости радикального пересмотра отношения между государством (обладающим монопольным правом на насилие) и гражданским обществом. Радикальность исторического запроса — запроса на осуществление полномочия суверенности — требует от нового политического субъекта переустройства государства на новых принципах. Логика всех предшествующих рассуждений, кажется, совершенно недвусмысленно подводит к тому, что тяжба о суверенности должна завершиться переходом к парламентской республике.

Литература

- Агамбен, Дж. (2011) *Ното sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. Москва: Европа.
- Батлер, Дж. (2018) *Заметки к перформативной теории собрания*. Москва: Ad Marginem.
- Быковский, П. (2020) Проект праймериз разделил оппозицию на объединенную и разрозненную. [онлайн] *Naviny.by* (14.03.2020). Доступ по: <https://naviny.online/article/20200314/1584162586-proekt-praymeriz-razdelil-oppoziciyu-na-obedinennuyu-i-razroznennuyu> [Просмотрено 11 декабря 2021].
- Валлерстайн, Им. (2003) *Конец знакомого мира. Социология 21 века*. Москва: Логос.
- Гадамер, Х.-Г. (1988) *Истина и метод*. Москва: Прогресс.
- Гайдук, К., Ракова, Е., Силицкий, В. (2009) *Социальные контракты в современной Беларуси*. BISS.
- Дебор, Ги (2000) *Общество спектакля*. Москва: Логос
- Норт, Д., Уоллис, Д., Вайнгаст, Б. (2011) *Насилие и социальные порядки*. Москва: Издательство Института Гайдара.
- Паточка, Я. (2008) *Еретические эссе о философии истории*. Минск: Логвинов.
- Сіліцкі, В. (2012) *Адкладзеная свабода. Посткамуністычны аутарытарызм у Сербіі і Беларусі*. Вільня.
- Фуко, М. (1996) *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. Москва: Касталь.
- Фурс, В. (2005) Белорусская реальность в системе координат глобализации. *Toros*, № 10, с. 5–18.
- Шмитт, К. (2000) *Политическая теология*. Москва: Канон-Пресс-Ц.
- Шмитт, К. (2018) *Диктатура*. Москва: Рипол Классик.
- Щитцова, Т. (2020) Депрессия как диспозиция-и-диспозитив. К социальной релевантности депрессии в современном белорусском обществе. В: Щитцова, Т., Артимович, Т., Ковтык, Е., Полешук, И. *Без будущего. Депрессия и авторитарное общество*. Vilnius: Logvino literaturos namai, с. 39–121.
- Agamben, G. (2005) *State of Exception*. Chicago: University of Chicago Press.
- Agamben, G. (2020) Coronavirus and philosophers. In: Foucault, M., Agamben, G., and Benvenuto, S. *Coronavirus and philosophers*. [online] <https://>

- www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/ [Accessed 10 December 2021].
- Benjamin, W. (1986) Critique of violence. *Reflections*. New York: Schocken Books.
- Freeman, B.C. (1995) *The Feminine Sublime: Gender and Excess in Woman's Fiction*. Berkeley: University of California Press.
- Guha, R. (1998) *Dominance without Hegemony: History and Power in Colonial India*. Harvard University Press.
- Herrero, M. (2019) Laclau's Revolutionary Political Theology and Its Backdrop. *Sintesis.Revista de Filosofia* II (2), pp. 9–25.
- Laclau, E. (1994) Why Do Empty Signifiers Matter to Politics? In: Weeks, J., ed. *The Lesser Evil and the Greater Good: The Theory and Politics of Social Diversity*. London: Rivers Oram Press, pp. 167–178.
- Laclau, E. (2000) Identity and Hegemony: The Role of Universality in the Constitution of Political Logics. In: Butler, J., Laclau, E., and Žižek, S. *Contingency, Hegemony, Universality. Contemporary Dialogues on the Left*. London, New-York: Verso, pp. 44–89.
- Laclau, E. and Mouffe, Ch. (2001) *Hegemony and Socialist Strategy*. London: Verso.
- Liotard, J.-F. (1994) *Lessons on the Analytic of the Sublime*. Stanford University Press.
- Mbembe, A. (2019) *Necropolitics*. Duke University Press.
- Mouffe, Ch. (2006) *On the Political*. London, New York: Routledge.
- Nussbaum, M. (2014) *Anger and Forgiveness: Resentment, Generosity, Justice*. Oxford University Press.
- Ost, D. (2004) Politics as the Mobilization of Anger: Emotions in Movements and in Power, *European Journal of Social Theory*, Vol. 7, no. 2, pp. 229–244.
- Shapiro, J. M. (2018). *The Political Sublime*. Duke University Press.

References

- Agamben, G. (2005) *State of Exception*. Chicago: University of Chicago Press, 104 p.
- Agamben, G. (2011) *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life]. Moscow: Evropa, 256 p.
- Agamben, G. (2020) Coronavirus and philosophers. In: Foucault, M., Agamben, G., and Benvenuto, S. *Coronavirus and philosophers*. [online] <https://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/> [Accessed 10 December 2021].
- Batler, Dzh. (2018) *Zametki k performativnoi teorii sobraniya* [Notes on the Performative Theory of Assembly]. Moscow: Ad Marginem, 248 p.
- Benjamin, W. (1986) Critique of violence. *Reflections*. New York: Schocken Books, 348 p.
- Bykovskii, P. (2020) Proekt praimeriz razdelil oppozitsiyu na ob'edinennuyu i razroznennuyu [Primaries project divided the opposition into the united and the disjoined ones]. [online] [Naviny.by](https://naviny.by) (14.03.2020). Available at: <https://naviny.online/article/20200314/1584162586-proekt-praymeriz-razdelil-oppozitsiyu-na-obedinennuyu-i-razroznennuyu> [Accessed December 11, 2021].
- Debord, G. (2000) *Obshchestvo spektaklia* [The Society of the Spectacle]. Moscow: Logos, 184 p.

- Freeman, B.C. (1995) *The Feminine Sublime: Gender and Excess in Woman's Fiction*. Berkeley: University of California Press, 205 p.
- Fuko, M. (1996) *Volia k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Truth]. Moscow: Kastal', 448 p.
- Furs, V. (2005) Belorusskaya real'nost' v sisteme koordinat globalizatsii [Belarusian reality in the coordinate system of globalisation]. *Topos*, no. 10, pp. 5–18.
- Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod* [Truth and Method]. Moscow: Progress, 704 p.
- Gaiduk, K., Rakova, E., Silitskii, V. (2009) *Sotsial'nye kontrakty v sovremennoi Belarusi* [Social Contracts in Contemporary Belarus]. Vilnius: BISS, 224 p.
- Guha, R. (1998) *Dominance without Hegemony: History and Power in Colonial India*. Harvard University Press, 268 p.
- Herrero, M. (2019) Laclau's Revolutionary Political Theology and Its Backdrop. *Sintesis.Revista de Filosofía II* (2), pp. 9–25.
- Laclau, E. (1994) Why Do Empty Signifiers Matter to Politics? In: Weeks, J., ed. *The Lesser Evil and the Greater Good: The Theory and Politics of Social Diversity*. London: Rivers Oram Press, pp. 167–178.
- Laclau, E. (2000) Identity and Hegemony: The Role of Universality in the Constitution of Political Logics. In: Butler, J., Laclau, E., and Žižek, S. *Contingency, Hegemony, Universality. Contemporary Dialogues on the Left*. London, New-York: Verso, pp. 44–89.
- Laclau, E. and Mouffe, Ch. (2001) *Hegemony and Socialist Strategy*. London: Verso, 218 p.
- Liotard, J.-F. (1994) *Lessons on the Analytic of the Sublime*. Stanford: Stanford University Press, 264 p.
- Mbembe, A. (2019) *Necropolitics*. Durham: Duke University Press, 224 p.
- Mouffe, Ch. (2006) *On the Political*. London, New York: Routledge, 160 p.
- North, D., Wallis, J., Weingast, B. (2011) *Nasilie i sotsial'nye poriadki* [Violence and Social Orders]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 482 p.
- Nussbaum, M. (2014) *Anger and Forgiveness: Resentment, Generosity, Justice*. Oxford: Oxford University Press, 336 p.
- Ost, D. (2004) Politics as the Mobilization of Anger: Emotions in Movements and in Power, European. *Journal of Social Theory*, Vol. 7, no. 2, pp. 229–244.
- Patochka, J. (2008) *Ereticheskie esse o filosofii istorii* [Heretical Essays in the Philosophy of History]. Minsk: Logvinov, 204 p.
- Silitski, V. (2012) *Adkladzenaya svaboda. Postkamunistychny autarytaryzm u Serbii i Belarusi* [Postponed Freedom. Postcommunist Authoritarianism in Serbia and Belarus]. Vilnius: Belaruskii Kalgium, 130 p.
- Schmitt, C. (2000) *Politicheskaya teologiya* [Political Theology]. Moscow: Kanon-Press-Ts, 336 p.
- Schmitt, C. (2018) *Diktatura* [Dictatorship]. Moscow: Ripol Klassik, 440 p.
- Shapiro, J. M. (2018). *The Political Sublime*. Durham: Duke University Press, 224 p.
- Shchytsova, T. (2020) Depressiya kak dispozitsiya-i-dispozitiv. K sotsial'noi relevantnosti depressii v sovremennom belarusskom obshchestve [Depression as disposition and dispositive. On social relevance of depression in the contemporary Belarusian society]. In: Shchytsova, T., Artimovich, T., Kovtiak, E., Poleshchuk, I. Bez budushchego. *Depressiya i avtoritarnoe obshchestvo* [Depression and Authoritarian Society]. Vilnius: Logvino literaturos namai, pp. 39–121.
- Wallerstein, I. (2003) *Konets znakomogo mira. Sotsiologiya 21 veka* [The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-first Century]. Moscow: Logos, 156 p.